

"Больше всех? Не тяни это дерьмо со мной! Любой, у кого есть репутация, которую нужно защищать, вы имеете в виду! Все, что вы делаете, это придумываете удобную ложь, чтобы скрыть это, это - позор, - сплюнул он, - от огласки! Тебе даже наплевать, что она все еще где-то там!"

"Что бы вы ни чувствовали, правда в том, что ее действия потенциально могут быть истолкованы как смертельный позор, который мог даже привести к тому, что многолетней престижной истории Башни Клыков будет положен конец". Роковой позор - Крылансело уже достаточно наслушался.

"Позор? Правда? Вы называете позором самую талантливую колдунью в истории Башни? Она не только мастер черного колдовства, но и гений даже в области белого колдовства".

"Была, да. Она действительно была самой талантливой колдуньей, которую я когда-либо знал".

"И она все еще жива, потому что она все еще жива!" Крылансело посмотрел на невозмутимого инструктора и почувствовал, что они, вероятно, больше никогда не увидятся. Он чувствовал, что бессилён. В конце концов, он даже отказался от попыток привлечь кого-либо свою сторону.

Хиртия встал на сторону Чайлдмана.

"Крылансело, тебе действительно нужно отпустить это..."

"Отпустить что? Отпустить тот факт, что она все еще жива там?!"

"Вы находитесь на пути к успеху. У тебя еще вся жизнь впереди, и если ты просто продержишься и проживешь ее еще немного, то в конце концов будешь жить жизнью, о которой большинство может только мечтать. Даже стать придворным колдуном не так уж невозможно с твоим уровнем таланта. У тебя был самый высокий балл на тестах среди всех в нашем году -

"Мне плевать на результаты тестов, Хиртия! Если им когда-нибудь понадобится заполнить вакансию в Тринадцати Апостолах, то я с радостью отдам это место тебе, мистер Второе Место!" Слова Орфена были острее и яростнее любого клинкового оружия. Отбросив в сторону Хиртию, он снова встретился взглядом с Чайлдманом.

"Если ты так хочешь кого-то похоронить, то я знаю, какое имя написать на этом пустом надгробии!".

"Ты думаешь похоронить меня здесь, на месте Азалии?" Чайлдман оставался невозмутимым, но его слова явно не были предназначены для насмешек над Крылансело. Это застало Крылансело врасплох. После короткого раздумья он прямо сказал:

"Не ты. Я."

Хартия была больше всех ошеломлена этим.

"Ты сошел с ума?" Крылансело проигнорировал его шок и продолжил.

"Если ты так сильно хочешь похоронить Азали, то вместе с ней ты можешь похоронить имя и наследие Крылансело! Клянусь, я найду ее, несмотря ни на что. Мне все равно, сколько времени это займет, мне все равно, какие препятствия мне придется преодолеть - когда-нибудь я снова встречу с ней. Она моя единственная семья - без нее я просто сирота!". Он быстро

поправил себя.

"Без Азали я не Крылансело! Я - Орфен!" Крылансело - в дальнейшем Орфен - вырвал лопату из гроба и бросил ее в воздух, как копье. Несколько зрителей отступили, опасаясь, что она поразит их, но Чайлдман не поднял и бровь. Самый могущественный колдун на континенте заговорил мягким тоном.

"Что вы собираетесь делать, когда найдете ее - мерзость, в которую она превратилась? Вы планируете вернуть ее в нормальную форму одним поцелуем, как будто жизнь - это какая-то романтическая сказка?"

"Да ладно, Чайлдман. Ты знаешь меня лучше, чем это. Первое, что я собираюсь сделать, это найти тот дурацкий меч, который ты где-то запечатал. Именно сила этого меча превратила ее в монстра, так что он должен быть способен превратить ее обратно..."

"Эта задача для вас непосильна", - со вздохом сказал Чайлдман.

Орфен зарычал: "Значит, ты думаешь, что это было бы возможно, если бы это был ты?!"

"Для меня? Если бы это был я, то...", - так сказал Чайлдман, но тут же оборвал свои слова. Молча рассматривая взгляды старейшин, он еще раз вздохнул и самоуничижительно сказал,

"Если бы это был я, то я бы не позволил себе даже подумать о такой глупой идее".

"Кто здесь глупый?!"

"Проснись, черт возьми, ты, сумасшедший".

"Я абсолютно в здравом уме!"

"Я сказал, проснись, ты, заикленный колдун! Если ты не проснешься в течение следующих пяти секунд, я забью тебя до смерти кожаной перчаткой!". Чайлдман собирается... забить меня до смерти...? Кожаной перчаткой? Когда Орфен открыл глаза, его ждало не ложе свежерытой могилы, а железные прутья тюремной камеры. Точнее, это была унылая тюремная камера из серо-голубого камня в подвале лучшей тюрьмы Тотоканты. В одном из углов камеры стоял кувшин с водой и чашка, но, поскольку Орфен не мог заставить себя выпить из нее, у него уже почти целый день пересыхало в горле.

Его голова пульсировала от боли. Вполне возможно, что Волкан уже взял на себя смелость избить его, пока он спал. Сам Волкан стоял со скрещенными руками и кислым выражением лица, а его младший брат Дортин стоял чуть позади него, как агнец, которого ведут на заклание. Орфен поднялся на ноги и хриплым голосом, который даже для его собственных ушей звучал как стон, спросил:

"Итак, в чем суть идеи?" Достаточно было бросить короткий взгляд на испуганную позу Дортина, чтобы Орфен понял, какое страшное лицо он, должно быть, сделал, когда спросил это. В конце концов, он и не пытался скрыть свое раздражение.

"Вот о чем я хочу тебя спросить", - сказал Волкан, забыв, как камень.

"Я собираюсь снова спать..."

"Черта с два!" - проворчал карликовый мальчик. Он схватил Орфена за воротник, что стало

возможным только благодаря тому, что Орфен все еще сидел на земле. Если бы Орфен решил встать, он бы потянул Волкана за собой. Поскольку этого не произошло, Волкан продолжил,

"Я не позволю тебе выкручиваться, мерзкий колдун! Прошло уже три дня с тех пор, как нас заперли в этом заведении, а ты до сих пор даже не объяснил нам, что на тебя нашло в том особняке, чтобы мы заслужили такое обращение! Ты хоть представляешь, в чем мы находимся под подозрением? Брачное мошенничество, беспорядки, нарушение спокойствия и чрезмерное повреждение частной собственности!" "Под подозрением", конечно же, означало для Волкана "виновны по полной программе".

После суматошных событий того дня правительственные чиновники заполнили особняк семьи Эверластинг. Кто-то из соседей, очевидно, сообщил о переполохе. Вполне понятная реакция. Даже Орфен мог бы вызвать взвод или два военных, если бы такой гигантский монстр внезапно прорвался сквозь стену его соседа с силой, достаточной, чтобы вызвать небольшое землетрясение. Даже элитные силы общественной полиции Тотоканты оказались в растерянности, как поступить в такой беспрецедентной ситуации, поэтому на данный момент они просто взяли под стражу группу мелких мошенников. Все произошло настолько неожиданно, что Орфен оказался в тюремной камере, даже не успев переодеться в свою одежду.

Орфен язвительно произнес: "Не волнуйтесь, я уверен, что мастер Берплвартс придет выручать вас, как только вернется домой после работы на полях медицины сна".

"Ты пытаешься быть смешным, Колдун?! Кого это сейчас волнует! Я говорю о том, что все в этом здании видели, как ты разговаривал с этим монстром..." Орфен схватил руку, которой Волкан держал его за воротник, и надавил, чтобы согнуть ее назад. Оторвав от себя карликового мальчика, он снова запугал Волкана.

"Послушай меня, черт возьми. Я говорил тебе миллион раз.

Не смей... Не смей называть ее чудовищем.

"Тогда скажи мне уже, как я должен это называть". Волкан надулся, потирая больную руку.

Орфен поднялся на ноги и прислонился к задней стене. Он откинул голову назад и на мгновение задумался, с чего лучше начать объяснения.

"Большинство детей склонны высоко ценить близких им людей - особенно если этот человек для них как заботливая старшая сестра.

"...Я всегда знал, что ты немного ненормальный, но никогда бы не подумал, что тебя вырастили драконы-зомби". Орфен резко взглянул на Волкана, который инстинктивно спрятал свою все еще тянущуюся руку за спину и захлопнул рот. Орфен снова заговорил с рычанием.

"Я вырос в Башне Клыков". Волкан и Дортин не смогли скрыть своего удивления этим открытием. Даже такие гномы, как они, знали о Башне Клыков - крупнейшем колдовском учреждении на всем континенте. Известная тем, что воспитывает сильнейших колдунов в мире, их организация в прошлом была известна тем, что с помощью крупномасштабного колдовства меняла ход целых войн. Волкан вздохнул, словно наконец-то собрал все точки воедино.

"Понятно, значит, Башня Клыков сейчас собирает целую армию этих мерзостей. Я всегда знал, что в них есть что-то подозрительное".

"Ты слушал хоть слово из того, что я сказал?!" - заорал Орфен, окончательно потеряв самообладание. В порыве ярости он ударил Волкана ногой по голове, что, естественно, привлекло внимание охранника.

"Эй! Потише там!". Орфен запаниковал, прежде чем улыбнуться и помахать охраннику.

"Извините, сила привычки".

"...Немедленно избавься от этой привычки, негодяй". Орфен мог слышать, как его подставка для ног Волкана жаловалась из-под его модной прокатной обуви на твердой подошве, но он проигнорировал бедственное положение мебели. Он продолжил без прежнего молчаливого нагнетания обстановки.

"Итак, как я уже говорил, я вырос в Башне Клыков. Они воспитывали меня столько, сколько я себя помню. Я был сиротой до того, как они меня взяли - почти все, кто там учился, были сиротами. В конце концов, ни один здравомыслящий родитель не стал бы отдавать своих детей в академию с девяностопроцентной смертностью. В лучшем случае, только действительно опытные продержались там дольше нескольких лет.

Ты со мной до сих пор?"

"Думаю, я не отстаю", - сказал Дортин.

"Мне кажется, меня держат внизу", - ворчал Волкан из-под ноги Орфена. Не обращая внимания на последнего, он продолжил свой рассказ.

"Из-за этого почти все, кто там учился, рано или поздно должны были научиться терпеть одиночество. Конкуренция была очень жесткой, до такой степени, что заводить друзей было последним делом. У счастливых было, может быть, один или два человека, достаточно близких, чтобы можно было сказать, что они им небезразличны. Именно таким человеком была для меня Азали. Хотя она была старше меня всего на пять лет, о ней говорили, что она была самой талантливой ведьмой за всю долгую историю Башни Клыков".

<http://tl.rulate.ru/book/16060/1705887>